

От Ху до Си: перемены и преемственность¹

Как и предыдущие китайские лидеры, председатель КНР Си Цзиньпин вплоть до настоящего времени (*Автор рассматривает период вплоть до конца 2016 года — Прим. ред.*) неизменно уделял особое внимание политической стабильности, полагая ее основной целью при управлении СМИ и обществом. Однако его подход к достижению этой цели отличается более интенсивным использованием репрессивных методов вкупе с усовершенствованной идеологической пропагандой и с более централизованными формами вертикальной подотчетности. Все эти методы являются продолжением предшествующей эпохи, но под руководством Си Цзиньпина они приобрели бóльшую интенсивность и размах. Что касается репрессивных мер, то, хотя они всегда занимали важное место в арсенале средств, применяемых руководством КНР, в последние годы они стали более масштабными. Похоже, что режим в какой-то степени отказался от процесса “гуманизации”² наказания и избрал более жесткие и тщательно разработанные методы контроля, напоминающие об эпохе Мао. Эксперты, равно как и ученые, охарактеризовали подход Си Цзиньпина к гражданскому обществу как закручивание гаек, при этом некоторые утверждают, что подобное положение дел означает фундаментальный сдвиг не только по сравнению с периодом правления Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао, но и по сравнению с эпохой реформ в целом³. Действительно, количество активистов, в том числе и журналистов, приговоренных к тюремному заключению за последние несколь-

ко лет, поражает не меньше⁴, чем масштаб угроз применения силы, принуждающих людей к самоцензуре. Так, например, кампания против распространения “ложных слухов” в соцсетях, в ходе которой звучали угрозы удалить аккаунты и заключить под стражу тех, кто якобы эти “слухи” распространяет, уже заставила замолчать многих дерзких любителей поспорить⁵. При том что в прошлом *Weibo* (китайский сервис микроблогов) представлял собой пространство активных политических дискуссий, сейчас, судя по всему, он утрачивает эту роль, а многие пользователи, в том числе те, кто формирует общественное мнение, добровольно покидают это пространство, остерегаясь политических последствий и даже опасаясь за свою физическую безопасность⁶. Доступ к глобальному интернету также был существенно ограничен с ужесточением борьбы, направленной против использования виртуальной частной сети, *VPN (Virtual Private Network)*, которая позволяет обходить “Великий китайский файервол” (*the Great Firewall of China*)⁷. Кроме того, центральное руководство страны ставит вопрос о контроле над интернетом на международном уровне, продвигая модель суверенного интернета и оправдывая контроль над киберпространством тем, что это часть эффективного социополитического управления⁸.

Помимо возросшей интенсивности репрессивных мер, еще одно важное изменение касается их масштаба — репрессии стали распространяться на более широкую, чем в прошлом, группу критиков. Хотя в западных

СМИ существует тенденция объединять всех без различия китайских активистов в одну укрупненную категорию диссидентов, в действительности речь идет о разных группах с отличающимися друг от друга политическими установками; при этом, с точки зрения партии, диссиденты представляют большую угрозу политической стабильности. В прошлом задержания и явное принуждение по большей части применялись в отношении диссидентов, например в отношении Нобелевского лауреата Лю Сяобо; куда реже объектом жестких мер становились те, кто выступал за перемены в политическом управлении в рамках существующей системы, — к примеру, критически настроенные журналисты или активисты неправительственных организаций. Однако за последние три года грань между этими категориями стала стираться, и целый ряд мейнстримных или внутрисистемных сторонников перемен, в том числе “обитатели” интернета (*netizens*), активисты из неправительственных организаций, юристы и журналисты, были арестованы, что стало неожиданностью как для внешних наблюдателей, так и внутри страны. Многие из тех, кто подвергся репрессиям, в частности активисты феминистских неправительственных организаций⁹ и профсоюзные деятели¹⁰, проводили кампании, нацеленные на решение конкретных вопросов, и в явном виде не ставили под сомнение легитимность партии. Показательный пример в кругу журналистов — это арест Шен Хао, бывшего редактора популярного шанхайского издания *21 Shiji Jingji Baodao* и вдохновителя многих китайских репортеров, которые пытались проводить профессиональные журналистские расследования¹¹. Шен Хао арестовали по обвинению в коррупции и заставили публично признать свою вину; его вынужденное признание транслировалось по Центральному телевидению Китая (*CCTV*) — в период руководства Си Цзиньпина подобные показательные признания стали распространенной практикой¹². Трудно оценить, в какой степени справедливы обвинения, выдвинутые против этого журналиста, однако тот факт, что именно он был выбран из медийной среды, где коррупция весьма распространена, по мнению некоторых китайских журналистов, дает ос-

нования предположить, что в данном случае речь идет об избирательном преследовании, цель которого — запугать тех, кто выступает с резкой критикой¹³. Нарастание репрессий свидетельствует о том, что государство пытается заново обозначить красную линию и очертить сферу политически недопустимого — тем самым неявно сокращая “серую зону”, где ранее действия властей носили скорее импровизационный характер.

Одновременно с подавлением публичной критики путем репрессий и принуждения наблюдается новая волна идеологических деклараций, а также более мощное и явное возрождение пропагандистской роли СМИ. Как и в период правления Ху Цзиньтао, в своих ключевых выступлениях Си Цзиньпин подчеркивает роль средств массовой информации как рупора. Но в отличие от Ху Цзиньтао, который лишь однажды (в 2008 году) посетил редакцию газеты “Жэньминь жибао”, Си Цзиньпин высказывается куда решительнее, заявляя, что ожидает от СМИ поддержки интересов партии. В конце февраля 2016 года председатель Си посетил ведущие государственные СМИ, в том числе Центральное телевидение Китая (*CCTV*), информационное агентство Синьхуа и газету “Жэньминь жибао”, требуя “абсолютной преданности” от журналистов и подчеркивая, что ключевая роль СМИ — в том, чтобы задавать правильное направление общественному мнению¹⁴. В противоположность своему предшественнику, который говорил о СМИ в общем и целом, Си конкретно обращался к государственным, коммерческим и новым медиа, подчеркивая, что их объединяет единая цель — формирование общественного мнения в “верном направлении”¹⁵. В этой связи некоторые аналитики отмечают “всесторонний подход” Си Цзиньпина к проблеме контроля над медиа, охватывающий все уровни медиасферы: от ведущих партийных СМИ до конкурентной среды коммерческих медиа прессы и активной медиасферы социальных сетей¹⁶. Этот “триединый” подход показал себя весьма эффективным: государственным СМИ удалось привлечь к себе аудиторию соцсетей и ведущие государственные медиа даже смогли опередить коммерческую прессу по популярности в сети¹⁷.

Помимо сочетания репрессивных и пропагандистских стратегий, Си Цзиньпин внедрил тщательно выстроенную сверху вниз систему вертикальной подотчетности, которой не было при его предшественниках. Хотя китайское партийное государство неизменно придерживалось точки зрения, что низкой контроль над властью призван помогать осуществлению надзора сверху, в правление Си Цзиньпина централизованный контроль достиг принципиально нового уровня. Наиболее яркое проявление этой новой тенденции — печально известная антикоррупционная кампания, организованная государством при крайне незначительном участии общественных сил. Кампания по борьбе с коррупцией — самая масштабная в истории Китая — затронула более 100 000 должностных лиц, в том числе и высокопоставленных чиновников, таких как бывший глава спецслужб Чжоу Юнкан¹⁸. Судя по всему, цель кампании заключается не только в том, чтобы нанести удар по коррупции в высших эшелонах власти. Не менее важная задача — продемонстрировать, что партия намерена осуществлять постоянный контроль с тем, чтобы угроза наказания побуждала партийных чиновников всех уровней выполнять возложенные на них обязанности. Некоторые меры, предпринимаемые в ходе этой кампании, в частности новый дисциплинарный кодекс, вступивший в силу 1 января 2016 года, напоминают об эпохе Мао. С принятием нового кодекса, содержащего подробный перечень нарушений и наказаний за них, любой член партии потенциально оказывается под наблюдением¹⁹.

При этом активизация борьбы с коррупцией под предводительством государства по иронии судьбы сопровождается преследованием антикоррупционных активистов (теперь вынужденных хранить молчание или уже отбывающих тюремный срок²⁰), которые как раз настаивали на том, чтобы высокопоставленные чиновники публично декларировали свои доходы и имущество. Таким образом, центральное руководство стремится управлять кампанией сверху, резко ограничивая вклад низовых активистов в борьбу с коррупцией.

Новая стратегия Си Цзиньпина, направленная на поддержание политической ста-

бильности, вкупе с подавлением общественного активизма путем репрессий, пропаганды и надзора сверху в последние годы несомненно ограничило возможности для критической журналистики. Некоторые журналисты переключились на менее рискованные сферы деятельности. Так, старший редактор журнала *Caijing* покинул издание, после того как столкнулся с давлением, последовавшим за публикацией антикоррупционного доклада, и теперь работает в частном предприятии. Некоторые журналисты, которые занимались независимыми расследованиями в *Caixin* и *Nanfang Dushibao*, перешли в западные СМИ, такие как *BBC*, или в гонконгские новостные издания — пока еще более независимые, чем СМИ материкового Китая²¹. Другие, в частности некоторые журналисты из издания *Nanfang Zhoumo*, которое с 2013 года стало испытывать существенные ограничения коммерческих и политических свобод, сделали выбор в пользу социального предпринимательства или предпочли академическую карьеру за рубежом²².

Несмотря на все вышесказанное, динамичное взаимодействие между журналистами и государством по большей части продолжается, даже когда на первый план выходят более “актуальные” репортажи о предпринимаемых партией решительных мерах и о перенастройке идеологии. Оказавшись в условиях нарастающих политических ограничений, журналисты тем не менее, как и прежде, проявляют изобретательность, чтобы вести расследования и обсуждать государственную политику. В частности, за последние два года журнал *Caixin* опубликовал несколько сенсационных репортажей о коррупции, а также о других острых проблемах, стоящих перед китайским руководством, например об ухудшении экологической ситуации²³. Эти разоблачительные материалы вызвали критику со стороны пропагандистских органов, журнал получил соответствующие предупреждения, но других, более серьезных мер, таких как увольнение журналистов или заключение под стражу, до настоящего времени не последовало²⁴. В то время как издания, входящие в состав *Nanfang Media Group*, при Си Цзиньпине сильно умерили критический

тон в освещении тех или иных событий (хотя и в их работе были некоторые исключения)²⁵, самые крупные китайские интернет-порталы — *Tencent* и *Sohu* — стали новой площадкой для серьезных публикаций²⁶. И хотя в июле 2016 года партия и государство приняли строгие меры в отношении новостного контента, публикуемого в соцсетях²⁷, в ходе последующего неформального общения с журналистами, работающими в этих интернет-изданиях, выяснилось, что спустя некоторое время они возобновили свою деятельность, — очередное доказательство импровизационного характера взаимоотношений между журналистами и представителями властных структур²⁸.

Последние два года мы также наблюдаем развитие санкционированных государством новостных изданий, существующих только в цифровом формате, таких как *Pengpai* и *Jietian*, которые готовят более профессиональные репортажи на политические и экономические темы, в том числе и журналистские расследования. Более того, из интервью, проведенных автором в недавнее время, следует, что некоторые журналисты продолжают публиковаться в интернет-изданиях как внештатные сотрудники, в то время как другие предпочли новые креативные платформы, чтобы доносить до общественности серьезные политические проблемы. Так, документальный фильм Чай Цзин (бывшей сотрудницы Центрального китайского телевидения, занимавшейся журналистскими расследованиями), в котором подвергается критике китайская политика в области охраны окружающей среды, был просмотрен миллионы раз. Среди тех, кто отреагировал на фильм, были и представители центрального руководства — таким образом, расширяются границы допустимой публичной дискуссии вокруг тем, вызывающих особый общественный интерес²⁹.

Кто-то из журналистов разрабатывает социальные медиаплатформы для запуска СМИ, предлагающих новостные материалы онлайн. Например, в июне 2016 года команда журналистов из *Pengpai* покинула издание, с тем чтобы открыть собственную медиакомпанию — *Pear Video*, которая производит видеорепортажи и более объемные видеоматериала

лы в цифровом формате³⁰. В дополнение к тем СМИ, которые существуют на территории материкового Китая, новые творческие инициативы возникают в Гонконге. *The Initium* — новый медийный проект в Гонконге, который позиционирует себя как “качественное цифровое медиа для глобального китайского сообщества”, по состоянию на март 2016 года собирал ежемесячно четыре миллиона просмотров, при этом заметная часть читательской аудитории находится на территории материкового Китая, получая доступ через VPN³¹. Помимо платформ и изданий, в большей степени ориентированных на новости, другие новые жанры, такие как художественная публицистика и сатирические онлайн ток-шоу, расцвели в Китае до такой степени, что становятся прибыльным бизнесом³². В то время как говорить о политике напрямую все труднее, писатели, журналисты и продюсеры, хорошо ориентирующиеся в нюансах политической ситуации, обращаются к новым литературным формам, дабы привлечь внимание к сложным общественным проблемам, которые неявным образом связаны с политикой. Подобное развитие событий свидетельствует о том, насколько важно расширить понятие “политического” в китайском контексте и осознать, что в обществе, где все больше ужесточается государственный контроль, формы самовыражения, относящиеся к сфере культуры или литературы, также обретают политическое звучание. Коротко говоря, пространство для критической журналистики сократилось, но в эпоху Си ей удалось выжить и переосмыслить собственные возможности.

Приведенные примеры, как и многие другие, свидетельствуют о том, что, хотя социально-политический контекст за последние четыре года претерпел определенные изменения, правила игры при взаимодействии журналистов и государства по большей части остались прежними. При Си Цзиньпине существование критических журналистов и партийного государства по-прежнему опирается на систему гибкого взаимодействия. Что касается их общих задач, то режим, как и раньше, избирательно использует журналистский контроль в определенных политических целях, а журналисты при подготовке своих

материалов, как и раньше, приспособляются к установившемуся политическому статус-кво.

Нельзя сказать, что власть полностью пренебрегает обратной связью в виде общественного мнения. Несмотря на то что при Си Цзиньпине каналы консультаций с обществом открыто не задействованы, где-то на заднем плане партийная медиаполитика все же учитывает роль СМИ как инструмента контроля и использует их — пусть и не напрямую — в официальных политических кампаниях. Подобно тому как строился государственный дискурс в годы правления Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао, пропагандистская риторика центрального руководства при Си Цзиньпине также включает в себя заявления о контролирующей роли СМИ. В кратком обзоре медиаполитики Си Цзиньпина, опубликованном в газете “Жэньминь Жибао”, говорилось, что “контроль со стороны общества и позитивная пропаганда едины”³³, то есть подразумевается, что первое приветствуется лишь постольку, поскольку помогает второму, — логика, преобладающая в последнее десятилетие. Что касается инициатив по взаимодействию с медиа, то некоторым СМИ и отдельным журналистам, похоже, позволено содействовать задачам партийного контроля. Для этого им предоставляются беспрецедентные возможности для расследований и критического анализа отдельных лиц, групп и обстоятельств, в отношении которых власти уже проводят проверку. В случае с коррупцией, например, в журнале *Caixin* был опубликован целый ряд разоблачительных материалов о чиновниках, в отношении которых партия вела расследования, в том числе несколько репортажей о Чжоу Юнкане; журнал даже открыл специальный отдел, который занимается антикоррупционными расследованиями. Беседы автора с журналистами издания *Caixin* подтверждают предположение, что журнал неофициально приглашен к сотрудничеству с властями в деле борьбы с коррупцией, — об этом свидетельствует то, что, публикуя расследования о коррупции на высшем уровне, издание удивительным образом остается безнаказанным³⁴. Что касается вопросов, касающихся защиты окружающей среды, сотрудничество по иници-

циативе государства здесь менее очевидно, но все же оно существует и в этой сфере. Так, министр по охране окружающей среды похвалил фильм Чай Цзин “Под куполом” за то, что он способствовал публичной дискуссии по проблеме загрязнения окружающей среды³⁵. И хотя впоследствии фильм оказался перемещен за “красную черту”, власти уделяют первостепенное внимание экологической проблеме в ходе встреч на высоком уровне, в том числе на сессиях Всекитайского собрания народных представителей 11-го и 12-го созывов³⁶. Кроме того, примечательно, что власти не только проявили терпимость к появлению расследовательских репортажей о некоторых национальных катастрофах, но и адекватно реагировали на них. Например, последствиям чудовищного взрыва на складе химикатов в городе Тяньцзинь, одной из самых ужасных техногенных катастроф в новейшей истории Китая, был посвящен целый ряд детальных журналистских расследований, проведенных в том числе изданиями *Caijing* и *Caixin*, но также и теми СМИ, которые в большей степени придерживаются генеральной линии, в частности *Xinjing Bao*, и новыми медиаплатформами *Tencent* и *Netease*³⁷. Среди обсуждаемых тем были такие, как нарушения при получении компанией регистрационного свидетельства, разрешающего хранение токсических материалов, структура собственности компании и трагическая гибель ни в чем не повинных пожарных. Как и во времена Ху Цзиньтао, относительная терпимость государства к подобного рода репортажам сочеталась с демонстративными ответными политическими мерами — расследованиями и публичными наказаниями; в результате взрыва в Тяньцзине было наказано 123 человека³⁸.

Что касается негласной поддержки установившегося статус-кво со стороны критически настроенных журналистов, то наиболее важные расследования и репортажи, о которых говорилось выше, в ряде случаев прямо соответствовали повестке дня партии, как это было в случае с антикоррупционными разоблачениями. В иных случаях в таких публикациях рассматривались провалы в действиях властей, связанные с национальными катастрофами, и мишенью становились вла-

сти на местах и руководители компаний, как в случае с расследованием взрыва в Тяньцзине (подобные публикации стали привычной практикой на протяжении последнего десятилетия), либо затрагивался главным образом человеческий аспект этих событий (с помощью жанра литературной публицистики), чему, как правило, посвящены статьи, опубликованные в *Nanfang Zhoumo*.

При взаимодействии между должностными лицами и журналистами неизменно присутствует — и играет важнейшую роль — элемент импровизации; это позволяет поддерживать сотрудничество, которое при этом постоянно меняет свои формы. Крайне двусмысленно выглядят действия властей, когда они предоставляют СМИ определенные возможности для расследований, содействуют им в осуществлении контролирующей функции и реагируют на опубликованные материалы. При этом власти практически никогда в явном виде не высказываются в поддержку роли СМИ как инструмента гражданского контроля над действиями власти, и это замалчивание носит еще более последовательный характер, чем в период правления Ху Цзиньтао. О том, что СМИ могут служить средством контроля, упоминается лишь вскользь или в контексте пропагандистской роли средств массовой информации. Что же касается предоставления журналистам возможностей (в определенных пределах) для проведения расследований — можно отметить, что, хотя политика властей, казалось бы, направлена на активное применение превентивных репрессивных мер для контроля над инакомыслием, журналисты составляют лишь незначительное меньшинство среди осужденных к тюремному заключению.

Контроль государства над СМИ по-прежнему в первую очередь строится на ограничениях, вводимых по мере надобности, — при этом какие-то из них применяются превентивно, до публикации, а какие-то — после. Официальная реакция на документальный фильм Чай Цзин, посвященный острым экологическим проблемам, — наглядный тому пример. Власти позволили, чтобы дискуссионный фильм в течение нескольких дней присутствовал в социальных сетях, и только потом наложили на него цензурный запрет³⁹.

Возможно, власти решили сначала посмотреть, какова будет реакция на фильм в Сети, прежде чем удалить нежелательный контент и подготовить ответные политические меры на высоком уровне. Расследования катастрофы в Тяньцзине также лишь в незначительной степени подвергались предварительной цензуре; постфактум был наложен запрет, но при этом журналистам негласно была оставлена лазейка для того, чтобы они могли продолжать расследования⁴⁰. Подобно практике, сложившейся в последние годы правления Ху Цзиньтао, экстренные репортажи о катастрофе первоначально появлялись в социальных сетях, тем самым делая невозможным полное утаивание случившегося и вынуждая власти быстро приспосабливаться к создававшемуся положению дел⁴¹. Реакция властей на журналистские расследования, касающиеся серьезных кризисных ситуаций, по-прежнему отличалась определенной долей импровизации, когда непосредственные меры по ликвидации последствий сочетались с более неопределенным политическим курсом относительно системной реформы, а подобные техногенные катастрофы случались вновь. Так, за взрывом в Тяньцзине последовало обрушение гигантской нелегальной свалки строительного мусора в городе Шэньчжэнь, в результате чего погибли 85 человек⁴². И снова происшествие сопровождалось обвинениями в коррупции и в неэффективности контроля со стороны местных властей — то есть речь шла о тех же системных проблемах, которые стали причиной кризисных ситуаций в период правления администрации Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао.

Что касается журналистов, то они продолжают творчески импровизировать, приоритетная задача — к новым ограничениям, используя тот же арсенал средств, что и во времена Ху Цзиньтао, — распространяя новости через социальные сети и пытаясь перехитрить цензоров. После введения цензурного запрета журналистам иногда удается размещать свои репортажи в публичном доступе в интернете. Так, в случае с недавно заблокированным репортажем о коррупции в Красном Кресте, ранее размещенном на медиаплатформе *Tencent*, текст статьи стал доступен в *Weibo*⁴³. Более того, критически настроенные журна-

листы продолжают провоцировать власти на ответную импровизацию, опережая цензоров и затрагивая темы, которые считаются политически рискованными. “Ограничения рано или поздно будут приняты, поэтому мы должны действовать быстрее! Пусть запреты соревнуются с правдой!” — сказал журналист, расследовавший взрыв в Тяньцзине; его слова приводятся в аналитическом докладе, посвященном этой катастрофе⁴⁴.

В процессе проведения расследования журналисты продолжают искусно уходить от государственного давления, сотрудничая друг с другом в сети. Когда наложенных на *Weibo* ограничений стало слишком много, журналисты переключились на *Weixin* — более сегментированную платформу, требующую отдельного разрешения для входа в тот или иной чат; к тому же *Weixin* — более защищенный канал, что позволяет журналистам общаться в небольших, закрытых группах. В последнее время контроль за *Weixin* усилился, но для китайских журналистов эта платформа пока еще остается широко распространенным способом для взаимодействия и обхода цензуры. Таким образом, креативность, лежащая в основе постоянных столкновений между журналистами и официальными властями, не исчезла, а, напротив, похоже, получила дальнейшее развитие в условиях более рискованного политического климата.

Формы сотрудничества между критически настроенными журналистами и партийными функционерами и раньше были весьма неустойчивыми, но теперь отношения между ними стали более напряженными, а некоторые признаки указывают на возможность радикализации этих отношений в будущем. Речь идет о том, что партия и государство, и особенно председатель КНР Си Цзиньпин, стали чаще и активнее заявлять о необходимости усиливать, расширять и совершенствовать пропагандистскую роль СМИ. А поскольку это сопровождается повсеместным давлением на социальные медиа, то некоторые журналисты и интеллектуалы начали открыто высказывать недовольство цензурой и в целом государственной политикой в отношении СМИ. Такого почти не было при Ху Цзиньтао. Жэнь Чжицян, пользующийся огромной попу-

лярностью в соцсетях и являющийся крупным магнатом в сфере недвижимости, в своем посте использовал цитату из Льва Толстого, чтобы осудить ужесточение цензуры со стороны партии: “Не стыдно и не вредно не знать. Всего знать никто не может, а стыдно и вредно притворяться, что знаешь, чего не знаешь”⁴⁵. Этот пост просмотрели 37 млн пользователей, прежде чем аккаунт был заблокирован властями. Спустя несколько недель после того как председатель Си сделал свое важнейшее заявление по поводу СМИ, в журнале *Saixin* было опубликовано интервью с видным шанхайским ученым и политическим консультантом Дьянг Хонгом, в котором говорилось о важности свободы слова. Материал немедленно был заблокирован, но *Saixin* нанес цензуре ответный удар, разместив на своем англоязычном сайте статью под заголовком “История о том, как высказывания советника о свободе слова были удалены с сайта журнала *Saixin*”⁴⁶. Прямое предание гласности и разоблачение действий аппарата государственной цензуры — небывалый случай для этого журнала.

Даже некоторые представители официальных СМИ, от которых редко услышишь политическую критику в сети, в последнее время выражают недовольство тем, как сузилось пространство для публичных дискуссий. “Китай должен открыть больше каналов для критики и различных предложений, конструктивную критику нужно поощрять”, — написал 14 февраля 2016 года в своем посте в *Weibo* Ху Сидин, редактор газеты *Global Times*⁴⁷. В марте 2016 года на новом, подконтрольном государству, новостном сайте *Wujie* было опубликовано открытое письмо от имени “верных членов партии”, в котором содержался призыв к отставке председателя КНР Си Цзиньпина⁴⁸. В письме негативные процессы последнего времени в политической, экономической, идеологической и культурной сферах связывались с централизацией власти при Си Цзиньпине. Неформальные беседы автора с критически настроенными журналистами показывают, что тех, кто профессионально занимается журналистской деятельностью, в последнее время все сильнее тревожит неблагоприятный политический климат; они крайне обеспокоены тем, что ужесточение запре-

тов оставляет все меньше пространства для осмысленной журналистской работы, которая могла бы приносить пользу партийному руководству в той же мере, что и обществу в целом. За исключением открытого письма, вызвавшего массу предположений и домыслов, критические высказывания пока по-прежнему содержат призывы к конструктивным решениям и созданию новых возможностей в рамках политической повестки партийного руководства. Как и в прошлом, эти отдельные высказывания и эпизоды не приводят к формированию организованного протеста против цензуры ни со стороны общества, ни со стороны СМИ. Тем не менее то и дело вспыхивающие дебаты о медиаполитике свидетельствуют о том, что по мере того как партийное государство сужает границы сотрудничества и переходит к репрессиям и жестким идеологическим установкам во взаимодействии как со СМИ, так и с обществом в целом, — в отношениях между журналистами и представителями властных структур появляются новые трещины.

Эволюция взаимоотношений между критически настроенными журналистами и партийным государством все больше выводит на поверхность конфликт между результатом и издержками, которые сопряжены с сохранением — хотя бы в какой-то степени — роли СМИ как инструмента гражданского контроля над действиями власти, низового активизма и общественного участия в государственном управлении. В краткосрочной перспективе использование — по мере надобности — консультаций с общественностью, в том числе через медиаканалы, по-видимому, способствует политической стабильности, однако в долгосрочной перспективе даже ограниченное общественное участие создает риск политической уязвимости. Противоречия между политикой местных властей и средствами массовой информации, вялые действия центрального руководства в ответ на системные проблемы и растущие запросы общества, которое ожидает от государства эффективных решений, — все это побочный результат того, что пределы допустимого общественного участия постоянно пересматриваются, причем при Си Цзиньпине эта нестабильность стала гораздо более очевид-

ной по сравнению с периодом правления его предшественника. В отличие от путинской модели управления, в которой государство доминирует над обществом и сохраняет куда большую дистанцию между собою и гражданами, поддерживать китайскую динамичную модель, использующую элементы консультаций с обществом, оказывается гораздо сложнее. В полной мере осознавая эти трудности, нынешний председатель КНР сделал выбор в сторону сокращения консультаций с общественностью, с тем чтобы вновь добиться централизации политической власти и заставить оппонентов замолчать. При этом он все-таки оставляет небольшое, жестко регулируемое пространство для взаимодействия с обществом. В какой-то мере подход Си Цзиньпина больше напоминает персоналистский стиль управления Путина, нежели однопартийную систему ленинского типа. В то же время голос критиков, в том числе и журналистов, не полностью заглушен, и они продолжают лавировать, внимательно наблюдая за нередко противоречивыми сигналами, исходящими от государства. В ходе дальнейшего развития событий описанная модель “гибкого взаимодействия” с обществом позволит не только отслеживать общую картину происходящих изменений, но и даст возможность уловить, когда за переменами повеет приближением крупных политических трансформаций. Если трещины в отношениях между журналистами и представителями власти будут углубляться и между ними наступит полный разрыв сродни тому, что мы наблюдаем в России, это может привести к радикализации критических голосов. Для партийного аппарата это может означать возникновение серьезной угрозы, исходящей снизу, что в свою очередь заставит нас усомниться в адаптационной способности партийного режима в долгосрочной перспективе. Сейчас, когда некоторые наблюдатели вновь начинают говорить о том, что китайская однопартийная система обречена, взаимодействие между критически настроенными журналистами и партийным руководством становится своего рода объективом, позволяющим навести резкость на основные противоречия в эволюционирующей системе государственной власти Китая.

Примечания

- 1 Глава “From Hu to Xi: Shifts and Continuities” из книги Марии Репниковой “Media Politics in China: Improvising Power under Authoritarianism”/“Медиаполитика в Китае: импровизация в условиях авторитаризма” (Cambridge: Cambridge University Press, 2017). Редакция *Контрапункта* благодарит издательство за любезное разрешение на публикацию перевода. Публикуется с небольшими сокращениями и изменениями.
- 2 Понятие гуманизации наказания заимствовано из работы Фуко о рождении тюремной системы и о переходе от жестоких публичных зрелищ и пыток к дисциплинарным формам наказания. См.: FOUCAULT M. *Discipline & Punish: The Birth of the Prison*. New York: Vintage Books, 1995 (в русском переводе: Фуко М. *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. М.: Ad Marginem, 2015 — Прим. ред.)
- 3 См., напр.: MITCHELL T. *Xi’s China: Smothering Dissent* // The Financial Times. 2016. July 27th. URL: <https://www.ft.com/content/ccd94b46-4db5-11e6-88c5-db83e98a590a> (доступ 19.12.2017); SHAMBAUGH D. *The Coming Chinese Crackup* // Wall Street Journal. 2015. March 6th. URL: <https://www.wsj.com/articles/the-coming-chinese-crack-up-1425659198> (доступ 19.12.2017).
- 4 Точное число подсчитать трудно, поскольку информация об арестах часто недоступна. Тем не менее некоторые правозащитные организации утверждают, что уже в первый год президентства Си Цзиньпина число принудительных задержаний возросло в три раза по сравнению с предыдущим годом. *Detentions of Chinese Activists Tripled Last Year: Report* // Radio Free Asia. 2014. March 3rd. URL: <https://www.rfa.org/english/news/china/detentions-03032014182151.html> (доступ 19.12.2017). В особенности о задержании журналистов см.: *China, Egypt Imprison Record Numbers of Journalists* // Committee to Protect Journalists. 2015. December 15th. URL: <https://www.cpj.org/reports/2015/12/china-egypt-imprison-record-numbers-of-journalists-jail.php> (доступ 19.12.2017).
- 5 КАЙМАН J. *China Cracks down on Social Media with Threat of Jail for “Online Rumours”* // The Guardian. 2013. September 10th. URL: <https://www.theguardian.com/world/2013/sep/10/china-social-media-jail-rumours> (доступ 19.12.2017).
- 6 *Censorship, Prosecution Drive Exodus of Opinion Leaders from China’s Sina Weibo* // Global Voices Advocacy. 2015. January 6th. URL: <https://advox.globalvoices.org/2014/01/06/censorship-prosecution-drive-exodus-of-opinion-leaders-from-chinas-sina-weibo/> (доступ 19.12.2017).
- 7 CLOVER CH. *China Intensifies VPN Services Crackdown* // The Financial Times. 2015. January 23rd. URL: <https://www.ft.com/intl/cms/s/0/46ad9e26-a2b9-11e4-9630-00144feab7de.html> (доступ 19.12.2017).
- 8 *Xi Defends China’s Great Firewall in Push for “Cybersovereignty”* // Bloomberg. 2015. December 15th. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2015-12-16/china-s-xi-defends-web-controls-in-call-for-cybersovereignty-> (доступ 19.12.2017).
- 9 *Concern for Women’s Rights Activists Detained in China* // BBC News. 2015. March 9th. URL: www.bbc.com/news/world-asia-china-31792608 (доступ 19.12.2017).
- 10 MITCHELL T. *Op. cit.*
- 11 DENYER S. *Arrest of Inspirational Editor Shen Hao Marks End of an Era for Chinese Journalism* // The Washington Post. 2015. January 9th. URL: https://www.washingtonpost.com/world/asia_pacific/arrest-of-inspirational-editor-shen-hao-marks-end-of-an-era-for-chinese-journalism/2015/01/09/4e7e9ece-8924-11e4-ace9-47de1af4c3eb_story.html?utm_term=.51f41672a5d5 (доступ 19.12.2017).
- 12 BRANIGAN T. *Televised Confessions on State-Run TV Consolidate China’s Social Control* // The Guardian. 2014. August 11th. URL: <https://www.theguardian.com/world/2014/aug/11/televised-confessions-state-tv-china-social-control> (доступ 19.12.2017).
- 13 DENYER S. *Op. cit.*
- 14 PHILLIPS T. “Love the Party, Protect the Party”: How Xi Jinping is Bringing China’s Media to Heel // The Guardian. 2016. February 27th. URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/feb/28/absolute-loyalty-how-xi-jinping-is-bringing-chinas-media-to-heel> (доступ 19.12.2017).
- 15 BANDURSKI D. *Mirror, Mirror On the Wall* // China Media Project. 2016. February 22nd. URL: <http://cmp.hku.hk/2016/02/22/39646/> (доступ 19.12.2017).
- 16 *Ibid.*
- 17 РЕПНИКОВА М., КЕЧЕНГ F. *Persuasion 2.0 under Xi: State-Sanctioned Civility Goes Digital* // Paper presented at the China Internet Research Conference. Edmonton. 2015. May 8th.
- 18 *China’s Anti-Corruption Campaign Ensnares Tens of Thousands More* // Foreign Policy. 2015. January 9th. URL: <http://foreignpolicy.com/2015/01/09/chinas-anti-corruption-campaign-ensnares-tens-of-thousands-more/> (доступ 19.12.2017).

- 19 LIN L. *To Purge or Not to Purge: China's Anti-Corruption Campaign: A New Code Marks a Return to Maoist Practices* // The Diplomat. 2016. February 15th. URL: <https://thediplomat.com/2016/02/to-purge-or-not-to-purge-chinas-anti-corruption-campaign/> (доступ 19.12.2017).
- 20 *China Jails Corruption Activists* // BBC News. 2015. March 11th. URL: www.bbc.com/news/world-asia-china-27917234 (доступ 19.12.2017).
- 21 Информация о переменах в карьере многих журналистов получена автором путем переписки, а также во время поездки в Пекин в июне-июле 2016 года.
- 22 РЕПНИКОВА М., FANG K. *Behind the Fall of China's Greatest Newspaper* // Foreign Policy. 2015. January 30th. URL: <http://foreignpolicy.com/2015/01/29/southern-weekly-china-media-censorship/> (доступ 19.12.2017).
- 23 Наиболее известный расследовательский материал журнала *Caixin* — о коррупции бывшего главы китайских спецслужб Чжоу Юнкяня. Сорок пять страниц репортажей все еще доступны на сайте журнала: <http://china.caixin.com/2014-10-22/100741777.html>.
- 24 Автор следит за развитием событий в журнале *Caixin*, подерживая связь с журналистами этого издания.
- 25 Серьезные трудности, с которыми столкнулась эта медиа-группа, не сводятся только к закручиванию гаек со стороны руководства Си Цзиньпина, но включают в себя также давление со стороны местных властей и деловых кругов. Более подробный анализ, связанный с изданием *Nanfang Zhoumo*, см. в: РЕПНИКОВА М., FANG K. *Op.cit.*
- 26 В последние несколько лет *Tencent* интенсивно развивал журналистское направление, в том числе на данном портале было создано отдельное подразделение, которое занимается углубленными, расследовательскими репортажами. Наиболее яркий расследовательский материал, недавно опубликованный *Tencent*, был посвящен коррупции в китайском Красном Кресте. С тех пор репортаж был изменен по цензурным соображениям, но по крайней мере некоторое время назад все еще был доступен на сайте: 腾讯财经: 红十字会的“秘密仓库” // 新浪微博. 2014-8-19. URL: https://www.weibo.com/p/1001603745261217292574?from=page_100505_profile&wvr=6&mod=wenzhangmod (доступ 19.12.2017).
- 27 Партия возродила прежнее законодательство, которое запрещает социальным медиаплатформам производить независимый журналистский контент. Более подробно см.: WONG E., PIAO V. *China Cracks Down on News Reports Spread via Social Media* // The New York Times. 2016. July 5th. URL: <https://www.nytimes.com/2016/07/06/world/asia/china-internet-social-media.html> (доступ 19.12.2017).
- 28 В частных беседах с сотрудниками интернет-портала *Sohu* выяснилось, что они взяли “паузу” после введения запрета, а затем изменили название своей интернет-платформы на *Jujiao Renwu*. Для примера расследовательских репортажей, опубликованных уже после введения запрета, см. материал на *Sohu* о коррупции в области клинических исследований медицинских препаратов: SHUN Y. *Shi yao liantiao zhong de yaotou: dadian yisheng la danzi yue zhuan 3 wan (Yaotou role in the chain of medicine testing: the examining doctor gets a profit of 30,000 yuan per month)* // Jujiao Renwu. 2016. December 31st. URL: <http://news.sohu.com/20161231/n477472504.shtml> (доступ 19.12.2017). В частности, *Tencent Lengjing*, новостной сайт, специализирующийся на финансовых расследованиях и работающий на платформе *Tencent*, опубликовал расследование о развитии в Китае рынка взаимного (P2P) кредитования. См.: CHUN ZH. *Wang dai zhoubian chanye diaocha: juejinzhe xiaotui du shuizhe anzhai? (Investigation into P2P Lending Industry: As Opportunists Fade Away, Where are the Service Providers?)* // Lengjing Tengxun. 2016. November 14th. URL: <http://finance.qq.com/original/lenjing/wangdai.html> (доступ 19.12.2017).
- 29 TRAN M. *Phenomenal Success for New Film That Criticises China's Environmental Policy* // The Guardian. 2015. March 11th. URL: <https://www.theguardian.com/world/2015/mar/02/china-environmental-policy-documentary-under-the-dome-chai-jing-video> (доступ 19.12.2017).
- 30 Более подробную информацию о *Pear Video* см.: КОЕТСЕ М. *The Rise of Pear Video (梨视频): Making Short News Videos Trending on Chinese Social Media* // What's On Weibo. 2017. January 13th. URL: <https://www.whatsonweibo.com/rise-pear-video-%E6%A2%A8%E8%A7%86%E9%A2%91-making-short-news-videos-trending-chinese-social-media/> (доступ 19.12.2017).
- 31 *New Hong Kong Media Startup Attempts to Capture Chinese Global Market* // World Association of Newspapers and News Publishers. 2016. March 2nd. URL: <http://bit.ly/1WWngKX> (доступ 19.12.2017).
- 32 О бурном расцвете художественной публицистики см.: SPEELMAN T. *Telling True Stories is a Booming Business in China* // Supchina. 2017. January 17th. URL: <http://supchina.com/2017/01/18/telling-true-stories-is-a-booming-business-in-china/> (доступ 19.12.2017). О ток-шоу и о всеобщей цифровой активности в период правления Си Цзиньпина см.: РЕПНИКОВА М., FANG K. *China's New Media: Pushing the Boundaries Without Being Political* // Foreign Affairs. 2016. October 12th. URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/china/2016-10-12/chinas-new-media> (доступ 19.12.2017).
- 33 BANDURSKI D. *Op. cit.*
- 34 Точная формулировка, которую использовал журналист издания *Caixin*, — “нас пригласили к расследованию”; это означает, что редакторы получили сигнал сверху подготовить репортажи о конкретных лицах.
- 35 KUNN A. *The Anti-Pollution Documentary That's Taken China By Storm* // NPR.org. 2015. May 14th. URL: <http://www.npr.org/blogs/parallels/2015/03/04/390689033/the-anti-pollution-documentary-thats-taken-china-by-storm> (доступ 19.12.2017).
- 36 *Environmental Issues Top Major Legislative Meeting in China* — *US News* // US News & World Report. 2015. March 12th. URL: <https://www.usnews.com/news/world/articles/2015/03/07/environmental-issues-top-major-legislative-meeting-in-china> (доступ 19.12.2017); *China to Complete Environmental Supervision Reform in Two Years* // Xinhua News. 2016. March 11th. URL: http://news.xinhuanet.com/english/2016-03/11/c_135179328.htm (доступ 19.12.2017).
- 37 XIAO H. *Chinese Media and the Tianjin Disaster* // *China Media Project*. 2015. August 20th. URL: <https://thediplomat.com/2016/02/china-finds-123-people-responsible-for-fatal-tianjin-explosions/> (доступ 19.12.2017).
- 38 TIEZZI SH. *China Finds 123 People Responsible for Fatal Tianjin Explosions* // The Diplomat. 2016. February 6th. URL: <http://thediplomat.com/2016/02/china-finds-123-people-responsible-for-fatal-tianjin-explosions/> (доступ 19.12.2017).
- 39 *A Documentary on Air Pollution Sparks a Code Red in China* // The Washington Post. 2015. March 9th. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/a-documentary-on-air-pollution-sparks-a-code-red-in-china/2015/03/09/c0fd352a-c5e5-11e4-a199-6cb5e63819d2_story.html?utm_term=.f022b3a7bed4 (доступ 19.12.2017).
- 40 XIAO H. *Op. cit.*
- 41 *Ibid.*
- 42 TIEZZI SH. *Construction Waste Landslide Buries 85 in Shenzhen* // The Diplomat. 2015. December 22nd. URL: <https://thediplomat.com/2015/12/construction-waste-landslide-buries-85-in-shenzhen/> (доступ 19.12.2017).
- 43 См.: 腾讯财经: 红十字会的“秘密仓库”...
- 44 XIAO H. *Op. cit.*

- 45 CHIN J. *China's Censorship Clampdown Stirs a Pushback* // The Wall Street Journal. 2016. February 29th. URL: <https://www.wsj.com/articles/chinas-social-media-muzzling-ofren-zhiqiang-highlights-clampdown-1456765492> (доступ 19.12.2017).
- 46 PHILLIPS T. *Chinese Magazine Challenges Government Over Censorship* // The Guardian. 2016. March 8th. URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/mar/08/chinese-magazine-challenges-government-censorship-organ> (доступ 19.12.2017).
- 47 CHIN J. *China's Censorship Clampdown Stirs a Pushback...*
- 48 *Loyal Party Members Urge Xi's Resignation* // China Digital Times. 2016. March 16th. URL: <http://chinadigitaltimes.net/2016/03/open-letter-devoted-party-membersurge-xis-resignation/> (доступ 19.12.2017). Беседы с бывшими журналистами *Wujie* заставляют предположить, что публикация явилась скорее следствием технической ошибки, нежели политического намерения, но тем не менее остается загадкой, кто был инициатором этого письма. Вскоре после возникновения этой конфликтной ситуации портал *Wujie* был закрыт.